

Известия Южного федерального университета.
Филологические науки. 2025. Том 29, № 1
ЧЕХОВСКИЕ СТРАНИЦЫ

Научная статья

УДК 821.161.1.09-K14

ББК 86.6

<https://doi.org/10.18522/1995-0640-2025-1-32-39>

А. П. ЧЕХОВ В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ РЕЦЕПЦИИ ЕВГЕНИЯ БЛАЖЕЕВСКОГО

Иван Игоревич Наумцев

Волгоградский государственный социально-педагогический университет,
Волгоград, Россия

Аннотация. Исследованы различные грани рецепции чеховской традиции в творчестве русского поэта второй половины XX в. Е. Блажеевского. В ходе сопоставления выявлена близость мотивов и образов стихотворения Блажеевского «Воспоминание о метели» и рассказа Чехова «Студент», определены общие черты структуры поэтического и прозаического текста. При анализе стихотворения Блажеевского «Дама с собачкой» установлено, что оно строится на трансформации сюжета и образов чеховского рассказа, на прямом диалоге с произведением писателя-классика. Таким образом, проанализированы различные пути рецепции чеховской традиции в поэзии Е. Блажеевского.

Ключевые слова: лирика, Е. Блажеевский, А. П. Чехов, традиции, мотивы, образы

Для цитирования: Наумцев И. И. А. П. Чехов в художественной рецепции Евгения Блажеевского // Известия ЮФУ. Филол. науки. 2025. Т. 29, № 1. С. 32–39. <https://doi.org/10.18522/1995-0640-2025-1-32-39>

Original article

A.P. CHEKHOV IN THE ARTISTIC RECEPTION OF E. BLAZHEEVSKY

Ivan I. Naumtsev

Volgograd State Socio-Pedagogical University, Volgograd, Russian Federation

Abstract. The various facets of the reception of the Chekhov tradition are analyzed in the work of E. Blazheevsky, a Russian poet of the second half of the 20th century. There was revealed the similarity of motives and images with Chekhov's story "Student" and the common features of the structure of the poetic and prose text were determined. While analyzing Blazheevsky's poem "The Lady with the Dog", it was found that the work of the poet of the 20th century is based on the transformation of the plot and images of Chekhov's story, on a direct dialogue with the work of the classic writer. Thus, the various ways of reception of the Chekhov tradition in the poetry of E. Blazheevsky have been analyzed.

Key words: lyrics, Evgeny Blazheevsky, Anton Chekhov, traditions, motifs, images

For citation: Naumtsev, I.I. (2025). A.P. Chekhov in the artistic reception of E. Blazhevsky. *Proceedings of Southern Federal University. Philology*, vol. 29, no. 1, pp. 32-39. (In Russian). <https://doi.org/10.18522/1995-0640-2025-1-32-39>

Введение

Образ А. П. Чехова в русской поэзии XX в., как и традиции творчества писателя, не раз привлекал внимание литературоведов. К этой теме обращались А. Г. Бондарев [Бондарев, 2008, 2017], М. Ч. Ларионова [Ларионова, Тропкина, 2020], Н. Е. Тропкина [Тропкина, 2010, 2016] и др. Чеховский текст в поэтическом творчестве русского поэта второй половины прошлого столетия Е. Блажеевского малоизучен, в частности этой теме посвящена статья «Чеховские мотивы и образы в лирике Е. И. Блажеевского» [Наумцев, 2023]. Изучение особенностей художественной рецепции малой прозы А. П. Чехова является важным этапом анализа чеховского текста в контексте всего творчества Е. Блажеевского.

Исследование и его результаты

Чеховская традиция выявляется у Блажеевского при сопоставлении его стихотворения «Воспоминание о метели» с рассказом А. П. Чехова «Студент». Оба произведения – поэтическое и прозаическое – сближают мотивы метели и вьюги, традиционно маркирующие в литературе пространство отчуждения героя. Знаменательно, что и у Блажеевского, и у Чехова холодное время года не зима: в стихотворении – это предзимье («И шинель, облапившая ноги, / Хлопает ноябрьским сукном»), в рассказе – начало весны. И при этом «зимний пейзаж неразрывно связан у поэта XX века с темой странствия во времени, с осознанием (с точки зрения героя) своих координат в рамках человеческой истории» [Наумцев, 2023, с. 80]. И. Н. Сухих пишет: «Природа – где-то на периферии мира, в котором живут чеховские герои, они соприкасаются с ней лишь эпизодически, в редкие моменты прозрения» [Сухих, 1987, с. 156]. Этот неоспоримый факт является особенно значимым в контексте нашего исследования, так как изображение природы широкими мазками в рассказе «Студент» становится маркером «прозрения» главного героя. В экспозиции рассказа Чехов изображает атмосферу неуютной пустоты, окружившей вместе с внезапно налетевшим холодом героя произведения – Ивана Великопольского, студента духовной академии. Природа напрямую влияет на внутренние переживания героя, а внезапно наступившая тишина передаёт постепенно осознаваемое им чувство одиночества: «Но когда стемнело в лесу, некстати подул с востока холодный пронизывающий ветер, всё смолкло. По лужам протянулись ледяные иглы, и стало в лесу неуютно, глухо и нелюдимо. Запахло зимой» [Чехов, 1977, т. 8, с. 306]. Неслучайно К. А. Кочнова отмечает, что в рассказах А. П. Чехова «выявляется ассоциативная связь холода, одиночества и смерти» [Кочнова, 2015]. В стихотворении «Воспоминание о метели» одиночество лирического героя тоже передаётся через описание холода и темноты:

*Мокрый снег. За привокзальным садом
Темнота, и невозможно жить,
Словно кто-то за спиной с надсадом
Обрубил связующую нить.
Мертвый час...*

[Блажеевский, 2006, с. 112]

Процесс замерзания и сопутствующие ему мысли лирического героя представлены с особым вниманием к деталям, которые присутствуют и в рассказе А. П. Чехова: описание замёрзших рук и лица («Мерзнут руки, промерзает взгляд...» – в стихотворении [Блажеевский, 2006]; «У него заоченели пальцы, и разгорелось от ветра лицо» – в рассказе [Чехов, 1977, т. 8, с. 306]), ощущение разобщённости с миром, одиночества («Что-то волчье есть в моей дороге – / В темноте да на ветру сквозном!..» – в стихотворении [Блажеевский, 2006]; «Ему казалось, что этот внезапно наступивший холод нарушил во всем порядок и согласие, что самой природе жутко, и оттого вечерние потемки сгустились быстрее, чем надо. Кругом было пустынно и как-то особенно мрачно» – в рассказе [Чехов, 1977, т. 8, с. 306]). Подробное описание пространства, окружающего героев рассказа и стихотворения, едва ли можно рассматривать как прием психологического параллелизма. А. П. Чудаков пишет следующее: «Применительно к “событию мира Чехова” более всего был бы точен термин Фернана Броделя “кратковременность” – то есть краткий отрезок текущего бытия, вобравший в себя всё без исключения, произошедшее в это время. <...> например, рассказ “Студент”, в котором известный эпизод – ночь после тайной вечери – представлен как нерасчлененный комплекс бытия ... элементы “антуража”, – по эмоциональной значимости приравнены к самим действиям людей» [Чудаков, 1971, с. 224].

Наконец, и лирический герой стихотворения Блажеевского, и главный персонаж чеховского рассказа осознают себя через временную координату: «И теперь, пожимаясь от холода, студент думал о том, что точно такой же ветер дул и при Рюрике, и при Иоанне Грозном, и при Петре» [Чехов, 1977, т. 8, с. 306]. Герой стихотворения Блажеевского словно вторит ему: «Вдоль пустынных улиц Оренбурга / Я бреду, как двести лет назад» [Блажеевский, 2006]. Эти параллели можно продолжить: оба героя, несмотря на плохую погоду, не спешат домой, ведут внутренний диалог (герой Чехова в итоге находит слушателей) и обретают душевное спокойствие в схожих идеях. Чеховский Иван Великопольский осознаёт вневременное единение человечества, которое является чем-то большим, чем просто преемственность поколений. Об этом пишет В. Б. Катаев: «...“Студент” (отчасти – “Дама с собачкой”) полностью посвящен преодолению разобщенности, нахождению общего и единого понимания вещей и явлений» [Катаев, 1979, с. 326]. Понимание того, что «правда и красота, направлявшие человеческую жизнь там, в саду и во дворе первосвященника, продолжались непрерывно до сего дня и, по-видимому, всегда составляли главное в человеческой жизни и вообще на земле» [Чехов, 1977, т. 8, с. 308], согревает душу молодого студента, уже не обращающего внимания на суровый холод. Вероятно, такое же тепло ощущает лирический герой стихотворения Блажеевского:

*Но, уйдя в скорлупы да в тулупы,
Жизнь течет в бушующей ночи.
Корабельно подвывают трубы,
Рассекают стужу кирпичи.*

*И приятно мне сквозь проклятуший,
Бьющий по лицу колючий снег
Видеть этот медленно плывущий
Теплый человеческий ковчег...*

[Блажеевский, 2006, с. 112]

При этом стихотворение «Воспоминание о метели», как и рассказ «Студент», проникнуто христианским пониманием времени и чувством единения человечества: если в произведении А. П. Чехова христианские мотивы и образы выведены на первый план, прямо названы, то в стихотворении Е. Блажеевского к ним отсылает образ «человеческого ковчега». Наделенный эпитетом «теплый» и помещенный в финальной строке стихотворения, этот образ становится ключевым для всего текста.

В стихотворении «Воспоминание о метели» поэт наследует традиции лирической по своей сути прозы Чехова на глубинном уровне, в самом миропонимании и в структуре текста. Так представлен один из типов рецепции творчества Чехова в лирике Блажеевского.

Иной механизм рецепции чеховского текста прослеживается в ходе обращения Блажеевского к рассказу «Дама с собачкой». Это самое лирическое произведение Чехова, о чем не раз писали исследователи. Неудивительно, что эхо именно этого рассказа так часто можно наблюдать в русской лирической поэзии. Обращение Блажеевского к чеховскому тексту декларировано названием стихотворения, дословно совпадающим с заглавием чеховского рассказа. Может показаться, что сопоставление малой эпической формы с лирическим стихотворением влечёт за собой ряд ожидаемых, но неизбежных трудностей. Однако, как замечает Н. И. Пруцков, во второй половине XX в. в зарубежном (а далее – и отечественном) литературоведении появилась своего рода традиция: «Чеховскую “Даму с собачкой” сравнивают со стихотворением Иннокентия Анненского “Прерывистые строки” (1909) <...> Названную параллель предложил Ю. Иваск. Он признаёт, что сравнение произведений поэта и прозаика возможно, если некоторые из их основных художественных приемов имеют нечто общее. Эта общность, считает исследователь, с особой наглядностью подчеркивает принципиальные различия между поэзией и прозой, их своеобразие и отчетливо выделяет оригинальность каждого из авторов – поэта и прозаика» [Пруцков, 1972, с. 73]. Именно на этот тезис мы будем опираться при сопоставительном анализе произведений Чехова и Блажеевского.

«Дама с собачкой» Чехова заканчивается неразрешённой проблемой – герои, нашедшие друг в друге новый смысл жизни, любовь, не пытаются изменить свою судьбу. По этой причине В. П. Буренин когда-то высказал мнение, что рассказ этот – «эюд, и притом отрывочный, представляющий как будто бы начало, первые главы ненаписанного романа» [Чехов, 1977, т. 10, с. 429]. В стихотворении Е. Блажеевского создаётся лирическая зарисовка курортного романа, который вписан в реалии конца XX в. Лирический сюжет оканчивается отъездом безымянной героини, а точнее – его предвосхищением. Такая разница в сюжетном аспекте произведений может показаться несущественной в ходе сравнения рассказа и стихотворения, однако именно это в сочетании с явной аллюзией, отсылающей к чеховскому произведению, добавляет «Даме с собачкой» Е. Блажеевского дополнительный смысловой уровень. Чувства героев в лирическом стихотворении «Дама с собачкой» передаются не столько через сюжет, сколько актуализируются в самой структуре текста – в обрывистости фраз, в паузах между строфами и строками. Так, например, вся ситуация становится ясна читателю после прочтения двух строк: «Твой палец с колечком в ладони зажат. / Идём, замедляя шаги» [Блажеевский, 2006, с. 112]. В них описывается не только семейное положение героини, факт адюльтера, но и очень значимое ощущение прогулки, которая неминуемо закончится расставанием и которую оба её участника стремятся всеми силами продлить. При первом же прочтении стихотворения в сопостав-

лении с рассказом в глаза бросается ещё одна значимая деталь: прощаясь, Анна Сергеевна, хоть и понимает неизбежность происходящего, сожалеет о расставании с возлюбленным: «Она не плакала, но была грустна, точно больна, и лицо у нее дрожало. – Я буду о вас думать... вспоминать, – говорила она» [Чехов, 1977, т. 10, с. 135], в то время как Гуров и при прощании был довольно молчалив, и уже в Москве уверял себя, что «пройдет какой-нибудь месяц, и Анна Сергеевна, казалось ему, покроется в памяти туманом и только изредка будет сниться с трогательной улыбкой, как снились другие» [Чехов, 1977, т. 10, с. 136]. Можно подумать, что персонажи Е. Блажеевского испытывают схожие чувства. Передаются слова только героини стихотворения, эмоции же лирического героя можно лишь дорисовать, исходя из ситуации взаимной влюблённости:

<...>

*Куда мы с тобою в обнимку идём
С беспечностью напускной,
Мы – сбитые наспех случайным гвоздём
Осенней любви отпускнуей?*

*Совсем не входящей в расчёты твои –
Как ты накануне сказала.
Тебя провожаю до кемпинга и...
До завтрашнего вокзала.*

[Блажеевский, 2015, с. 350]

Слова «наспех» и «отпускнуей», как может показаться, добавляют оттенок ироничности в характеристику их любви. Однако если искренность эмоций героини подтверждается замечанием, что любовь эта не входила в ее расчёты, но стала чем-то действительно большим, чем легко забываемая мимолётная интрижка, то неподдельность чувств героя передается через «прерывистые строки»: многоточие в предфинальном катрене стихотворения. В этих строках отражается нежелание лирического героя думать о грядущем завтра, а также необходимость смириться с ним. Знаменательно, что близкие к этому особенности повествования можно найти и в чеховском рассказе: «Описание дано полностью в формах языка повествователя и нигде не переходит в несобственно-прямую речь. Но на это объективное воспроизведение событий как бы накладывается отпечаток эмоционального состояния героев. Он заключается в прерывистости синтаксиса, в особом, “задыхающемся”, ритме фраз, сообщающем авторскому повествованию настроение героев» [Чудаков, 1971, с. 98]. Стихотворение «Дама с собачкой» обрывается на моменте перед расставанием героев. Развитие сюжета и в рассказе, и в стихотворении должно произойти за пределами текста. В. И. Тюпа замечает: «Нотой душевной боли в сопряжении с надеждой завершается, в частности, “Дама с собачкой”» [Тюпа, 2018]. Авторская надежда представляет здесь «не субъективное чувство ... а неодолимое стремление» [Гиршман, 1982, с. 215]. И она «ориентирована в бесконечность затекстового пространства, в котором пребывает читатель» [Тюпа, 2018]. Тем не менее стихотворение неслучайно начинается словами: «Сентябрь завершается. Лёгкий туман / Окутал и море, и пляж» [Блажеевский, 2015, с. 350]. Поэт актуализирует мотив «блуждания в тумане» – будущее кажется неясным, ускользающим, что может трактоваться неоднозначно, например в пользу версии о повторении сюжета чеховской «Дамы с собач-

кой». Однако далее появляются строки: «Белёное море хлопчет у ног, / Пустыня воды и песка...» и строки финального катрена:

*Ленивый прилив замывает следы,
Баркасы стоят на приколе.*

[Блажеевский, 2015, с. 350]

Поэт вмещает сложную череду эмоций и мыслей, употребляя термин Ю. Н. Тынянова, в тесноту стихового ряда, вслед за А. П. Чеховым включает в простую историю о курортном романе размышления о вечности. Если у писателя-классика это становится развёрнутым описанием встречи двух влюблённых, то Е. Блажеевский лишь намекает на это читателю через короткие фразы, вторящие чеховскому тексту с небольшими различиями. У А. П. Чехова: «Ялта была едва видна сквозь утренний туман...», у Е. Блажеевского: «Лёгкий туман / Окутал и море, и пляж». Наконец в рассказе: «Так шумело внизу, когда еще тут не было ни Ялты, ни Ореанды, теперь шумит и будет шуметь так же равнодушно и глухо, когда нас не будет» [Чехов, 1977, т. 10, с. 133]. В стихотворении же поэт пишет лаконичное: «Ленивый прилив замывает следы» – в подтексте мысль, что после отъезда влюбленных вечное море так же забудет об их существовании, как забывало о существовании многих других [Блажеевский, 2015, с. 350]. Однако Е. Блажеевский, в отличие от А. П. Чехова, этим заканчивает своё произведение, как бы делая акцент на величественности вечности, сводя дальнейшие отношения героев к печальной предреши́нности. В пользу этого предположения говорит тот факт, что море как «пустыня воды» в лирике поэта, как правило, употребляется в качестве образа с отчётливо негативными коннотациями: *пустынное, холодное, мрачное, необъятное*. Оно же своей вечной необъятностью поглощает лирического героя с его чувствами и проблемами выбора, становясь не просто деталью пейзажа, а первостепенным субъектом действия. Новый импульс к прочтению «Дамы с собачкой» Блажеевского в ключе его параллели с чеховским текстом дает сравнение, которое возникает в финальной строке стихотворения:

*Обрывок газеты ползёт вдоль воды,
Как перекасти-поле.*

[Блажеевский, 2015, с. 350]

Перекасти-поле – образ, к которому не раз обращался Чехов, в частности он стал названием одного из рассказов писателя. В. В. Кондратьева считает, что в заглавии рассказа А. П. Чехова «Перекасти-поле» заложена двойная семантика: «связь, с одной стороны, с южнороссийским ареалом, с другой – с символическим уровнем. Это и степное растение, и символ судьбы скитальца, странника» [Кондратьева, 2016, с. 131]. Образ травянистого растения, оставляющего после отмирания корней круглые образования, катящиеся по полю, стал метафорой судьбы человека, не укорененного в жизни, мятущегося. Можно предположить, что в этом образе – предвидение судьбы героя стихотворения Блажеевского, которую его, казалось бы, случайный курортный роман изменит, как изменил он и судьбу героя чеховского рассказа.

Заключение

Поэтическое творчество Е. Блажеевского во многом формируется под влиянием чеховской традиции, которая актуализируется в различных модификациях: это сходство мотивов и образов, общность структуры поэтического и прозаического текста, прямо декларированное обращение поэта к чеховско-

му произведению. Блажеевский неоднократно обращался к чеховским образам, трансформируя их, солидаризируясь и одновременно полемизируя с классиком отечественной литературы.

Список источников

- Блажеевский Е.* Воспоминание о метели: стихотворение // Башня: альманах. Оренбург: ОГИМ, 2006. С. 112.
- Блажеевский Е. И.* Письмо: по праву памяти / под ред. Е. Л. Бершина. М.: Арт-Хаус Медиа, 2015. 449 с.
- Бондарев А. Г.* Мифологема «Вишневый сад» в поэзии Т. Кибирова // Успехи соврем. науки и образования. 2017. Т. 3, № 5. С. 49–53.
- Бондарев А. Г.* Чеховский миф в современной поэзии: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Красноярск, 2008. 19 с.
- Гиршман М. М.* Ритм художественной прозы. М.: Советский писатель, 1982. 368 с.
- Катаев В. Б.* Проза Чехова: проблемы интерпретации. М.: Изд-во МГУ, 1979. 327 с.
- Кондратьева В. В.* Семантика пространства в рассказе А. П. Чехова «Перекачено поле» // Изв. ВГПУ. 2016. № 7 (111). С. 130–135.
- Кочнова К. А.* «Пейзаж-метель» в языковой картине мира А. П. Чехова [Электронный ресурс] // Филология и литературоведение. 2015. № 3. URL: <https://philology.snauka.ru/2015/03/1151> (дата обращения: 10.04.2024).
- Ларионова М. Ч., Тропкина Н. Е.* «Чеховская декорация»: «Вишневый сад» в русской поэзии XX – начала XXI века // *Annales instituti slavici universitatis debreceniensis Slavica XLIX*. Debrecen University Press, 2020. С. 75–83.
- Наумцев И. И.* Чеховские мотивы и образы в лирике Е. И. Блажеевского [Электронный ресурс] // Грани познания. 2023. № 3 (86). С. 80–85. URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_54104761_20944802.pdf (дата обращения: 10.04.2024).
- Пруцков Н. И. А. П. Чехов и И. Ф. Анненский* // Вопросы литературы и фольклора. Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 1972. С. 72–84.
- Сухих И. Н.* Проблемы поэтики А. П. Чехова. Л.: Изд-во ЛГУ, 1987. 180 с.
- Тропкина Н. Е.* Образ Чехова и чеховские образы в русской поэзии последней трети XX – начала XXI в. // Чехов и мировая литература XX века. Волгоград: Перемена, 2010. С. 126–140.
- Тропкина Н. Е.* Каштанка в прозе и поэзии // Личная библиотека А. П. Чехова: литературное окружение и эпоха: сб. материалов междунар. науч. конф. (г. Таганрог, 14–15 сентября 2015 г.). Ростов н/Д: Foundation, 2016. С. 231–237.
- Тюпа В. И.* Чеховский рассказ: жанрообразующая роль кризиса идентичности [Электронный ресурс] // Narratorium. 2018. Вып. 11. URL: <https://clck.ru/3DbkM8> (дата обращения: 24.04.2024).
- Чехов А. П.* Полн. собр. соч. и писем: в 30 т. Соч.: в 18 т. М.: Наука, 1974–1982.
- Чудаков А. П.* Поэтика Чехова. М.: Наука, 1971. 291 с.

References

- Blazheevsky, E. I. (2015). *Letter: on the right of memory*. E. L. Bershin (Ed.). Moscow, Art-House Media, 449 p. (In Russian).
- Blazheevsky, E. (2006). The memory of a snowstorm: a poem. *Tower: almanac*. Orenburg, Orenburg State Institute of Management, p. 112. (In Russian).
- Bondarev, A. G. (2008). *Chekhov's myth in modern poetry*. Dissertation abstract. Krasnoyarsk. (In Russian).
- Bondarev, A. G. (2017). The mythologeme “Cherry Orchard” in T. Kibirov's poetry. *Success of Modern Science and Education*, vol. 3, no. 5, pp. 49-53. (In Russian).
- Chekhov, A. P. (1974-1982). *Complete works and letters: in 30 vols*. Essays: in 18 vols. Moscow, Science. (In Russian).
- Chudakov, A. P. (1971). *Chekhov's poetics*. Moscow, Science, 291 p. (In Russian).
- Girshman, M.M. (1982). *The rhythm of fiction*. Moscow, Soviet writer, 368 p. (In Russian).

Kataev, V.B. (1979). *Chekhov's prose: problems of interpretation*. Moscow, Publishing House of Moscow State University, 327 p. (In Russian).

Kochnova, K.A. (2015). "Snowstorm landscape" in A.P. Chekhov's linguistic picture of the world. *Philology and Literary Studies*, no. 3. Available at: <https://philology.snauka.ru/2015/03/1151> (accessed 10 April 2024). (In Russian).

Kondratieva, V.V. (2016). Semantics of space in A. P. Chekhov's story "Tumbleweed". *Proceedings VSPU*, no. 7, pp. 130-135. (In Russian).

Larionova, M.Ch. and Tropkina, N.E. (2020). "Chekhov's decoration": "Cherry Orchard" in Russian poetry of the 20th - beginning of the 21st century. *Annales instituti slavici universitatis debreceniensis Slavica XLIX*. Debrecen University Press, pp. 75-83. (In Russian).

Naumtsev, I.I. (2023). Chekhov's motives and images in the lyrics of E.I. Blazhevsky. *Facets of Knowledge*, no. 3, pp. 80-85. Available at: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_54104761_20944802.pdf (accessed 10 April 2024). (In Russian).

Prutskov, N.I. (1972). A. P. Chekhov and I. F. Annensky. *Questions of literature and folklore*. Voronezh, Publishing House of the Voronezh University, pp. 72-84. (In Russian).

Sukhikh, I.N. (1987). *Problems of poetics by A.P. Chekhov*. Leningrad, Publishing House of Leningrad State University, 180 p. (In Russian).

Tropkina, N.E. (2010). The image of Chekhov and Chekhov's images in Russian poetry of the last third of the 20th - early 21st century. *Chekhov and the world literature of the 20th century*. Volgograd, Change, pp. 126-140. (In Russian).

Tropkina, N.E. (2016). Kashtanka in prose and poetry. *Personal library of A.P. Chekhov: literary environment and epoch*: collection of materials of the International Scientific Conference (Taganrog, September 14-15, 2015). Rostov-on-Don, Foundation, pp. 231-237. (In Russian).

Тура, V.I. (2018). Chekhov's story: the genre-forming role of the identity crisis. *Narratorium*, iss. 11. Available at: <https://clck.ru/3DbkM8> (accessed 24 April 2024). (In Russian).

Сведения об авторе

Наумцев Иван Игоревич – аспирант кафедры литературы и методики ее преподавания, naumcev1998@mail.ru

Information about the Author

Ivan I. Naumtsev – postgraduate student of the Department of Literature and Methods of its Teaching, naumcev1998@mail.ru

Статья поступила в редакцию 29.10.2024; одобрена после рецензирования 25.12.2024; принята к публикации 25.12.2024.

The article was submitted 29.10.2024; approved after reviewing 25.12.2024; accepted for publication 25.12.2024.